

“обязательно вернусь в кино”

Евгений Евтушенко — Газете

Евгений Евтушенко, член жюри Венецианского кинофестиваля, о своей работе в жюри рассказав в интервью обозревателю Газеты Николаю Александрову.
 Честно говоря, шансов найти Евгения Александровича было мало. Поэтому когда, набрав номер его квартиры в США, услышал голос в трубке, я был несколько удивлен. Евтушенко, впрочем, тоже. «Вы представляете, сколько сейчас времени?» — «Подозреваю, что уже ночь...» — «Четыре часа утра!». Тем не менее на вопросы знаменитый поэт и кинорежиссер ответил согласился.

Вам легко работалось в жюри? Была какая-нибудь интрига?

Нет, интриг никаких не было. Я семнадцать лет не был на Венецианском фестивале. Не был членом жюри. И... Я, может быть, и спорил с кем-то на счет Кончаловского, но я его защищал не потому, что я русский и он — русский. Когда мы спорили о фильмах, мы говорили не потому, что мы кого-то поддерживали, толкали и тянули. Вот спорт, например, нам показывает гибельность боления только за собственную сборную. Нужно все-таки уметь аплодировать соперникам. Я человек, любящий футбол больше узконационального боления. В спорте надо болеть за сам спорт. Так и здесь. Я не люблю «киноболельщиков», которые болеют только за то, что было сделано под маркой их собственной страны.

Вот «Клоун» Ирины Ефтевой. Короткометражка, получившая «Серебряного льва». Честно вам признаю: я — пусть меня Ефтева невзлюбит за это: я, конечно, выдвинул ее фильм, но в предварительном списке из четырех разных картин. Мне было труд-

но определить, какая из них лучшая. Но все члены жюри единодушно — я потом только присоединился — проголосовали за нее. Так что...

Мы очень расстроены были, что итальянцы в этот раз не показали мощи, которая им всегда была свойственна. Это великая кинодержава. Но в данный момент у итальянцев не было сильной картины. Были у нас споры по поводу американских конкурсных фильмов. Мы спорили, но пришли к общему мнению. Я очень люблю, например, Тодда Хейнса. Хороший, прекрасный, замечательный актер. Но эти две картины, которые были представлены... Мы дали премию Джулианне Мур (лучшая женская роль. — **Газета**) и оператору этого фильма (Эд Лахман — «Далеко от рая»). Некоторые критики, наши в частности, восторгались этими картинами. А я даже удивлялся. Да, это красиво как стилизация. Это такое ретро. Но все же это лоскутное одеяло из бывших американских фильмов. Лучше смотреть «Крестного отца».

Что вы можете сказать о результатах фестиваля?

С моей точки зрения, все три главные премии были присуждены справедливо. Картина Питера Муллана «Сестры Магдалены» («Золотой лев». — **Газета**) была по всем категориям очень сильна. По своему общественному звучанию в частности. Режиссер очень хорошо ответил критикам, которые его обвиняли в нападках на католицизм. Он сказал, что они очень узко понимают картину, потому что фильм, хотя и основан на реальных фактах, на самом деле метафоричен. Это картина против любого фундаментализма, доходящего до абсурда, до противоположности даже

первоначальной идеи. Будь то фундаментализм религиозный или политический, когда одна какая-нибудь партия заставляет всех жить по своим законам. То есть, как я думаю, эта картина представляет такой метафорический ГУЛАГ. Ведь иногда «маленьким ГУЛАГом» может быть и собственная семья любого человека — независимо от того, в какой он стране живет: когда кто-то в семье пытается подчинить всех остальных. И приходится из таких семей людям бежать, как бегут героини фильма. То есть это очень сильная картина в смысле общественного посыла. И вы знаете — теперь уж можно сказать: мы в жюри хотели дать премию за дебют — к сожалению, по правилам нельзя — сразу всем трем главным актрисам.

Ваши симпатии были на стороне этого фильма?

Абсолютно. И вторая картина, которая вызвала очень много споров и внутри нашего жюри, и внутри, так сказать, показа, которая некоторым очень нравилась и очень не нравилась другим, — фильм Кончаловского «Дом дураков» (Гран-при жюри. — **Газета**).

У меня очень непростые жизненные отношения с этим режиссером. Я считал его «Асю Клячину» совершенно гениальной. Шедевр просто. А потом его картины — хотя они были хорошо, профессионально сделаны — меня оставляли равнодушным. Несмотря на то что он всегда держал профессиональный уровень и у него были очень сильные вещи. «Поезд-беглец», например, по сценарию Курасавы. Здорово снятая картина.

А в «Доме дураков»... Во-первых, он вступил на минное поле. Потому что чеченской

темой трудно угодить кому-то. Вокруг столько разных мнений. Кончаловский правильно решил эту тему. С моей точки зрения, метафорически. Он никого не идеализирует в этой истории. И в общем показывает, что, пока люди остаются людьми, все-таки есть надежда на понимание. Даже в самых страшных, загнанных и закровившихся ситуациях. По фильму просто видно, что ему больно. Вообще Кончаловский для меня всегда был профессионалом, но иногда очень холодным профессионалом. С ним, по-моему, происходит трансформация в последнее время. В картине есть очень теплые куски, которых я давно у него не видел. Мне кажется, он возвращается к своему началу. И противники картины, в том числе и русские, не почувствовали этой перемены в художнике.

А если говорить о профессионализме, то очень хорошо подобраны актеры. Очень здорово сняты многие сцены. И прекрасно показана трансформация этого «дома дураков», когда мы вдруг в этих искаленных судьбой людях открываем такой запас нежности. Очень опасная сцена — потому что можно было сделать ее грубо и рационально, — когда не выдают одного чеченца, ибо понимают, что его могут на месте сразу пристрелить. Но эта ситуация очень оправданна. Редкий случай, когда обе в данный момент кроваво конфликтующие стороны могут смотреть этот фильм со слезами на глазах и видеть в нем такую «форточку надежды» в, казалось бы, уже безнадежно заткнувшейся ситуации...

В нашем жюри были профессионалы совершенно разные. И хотя мы спорили, но не было человека, который не оценил бы высочайшего мастерства, во-первых,

а во-вторых — человеческую, моральную сторону. Чистоту порыва.

Многие прочли первую премию «Кукулам» Такеси Китано.

С моей точки зрения, это очень неудачный фильм. И у нас, у жюри, было единогласное мнение по этому поводу. Это хороший режиссер. Но он сделал самостилизацию. Сценарий был очень слабый. Банальный. Ну красиво, да. Ну и что? Посыла какого-то большого там не было. Сцены были решены примитивно. Диалоги были примитивны. Ну цветущая сакура, конечно, очень красиво. Такая, знаете, традиционная Япония на экспорт.

Не собираетесь ли вы сами снимать кино?

В Италию на фестивали надо посылать разuverившихся в себе режиссеров. Потому что публика потирающая. После каждой картины — долгие аплодисменты. Доброжелательность удивительная.

И скажу, что участие в жюри «Кинотавра» и Венецианского фестиваля — когда я иногда смотрел по шесть-семь фильмов в день — меня подвигло на то, чтобы вернуться в кино. Я обязательно вернусь. Получил уже конкретные предложения. В первую очередь от людей, мне помогавших когда-то сделать «Похороны Сталина». Мне только нужно завершить трехтомную антологию русской поэзии для издательства «Искусство». Дописать роман. Я попытаюсь закончить все к маю. Попрошу отпуск от преподавания и, надеюсь, буду снимать кино.